

84(2=642)6

Ж 68

109923

МИХАИЛ ЖИГЖИТОВ

ПОДЛЕМОРЬЕ

НОВИНКИ-СОВРЕМЕННОКА

Михаил Жигжитов
Подлеморье

Роман

Книга вторая

Дорогому другу —
Исаю Камеграйову
Квиамиткову —
на добрую память
от автора.

109923

МАУ ЦБС
г. Улан-Удэ

«Современник»
Москва
1978

Другу —

1978. 1 декабря

Жигжитов М.

Ж68 Подлеморье: Роман.— Кн. 2-я.— М. Современник, 1978.— 319 с. (Новинки «Современника»).— В вып. дан. авт.: Жигжитов Михаил Ильич.

Михаил Жигжитов — талантливый бурятский прозаик. Первая его книга — роман «Подлеморье» выходила в издательстве «Современник» в 1974 году. Полные драматизма события — ликвидация кулацкой банды, создание колхозов, борьба с браконьерами, с шаманством — выпали и на долю нового поколения, живущего по заветам погибших борцов революции. Об этом рассказывает вторая книга писателя. Яркие характеры, поэтичность описания тайги и Байкала, сочный народный язык — создают особую манеру письма.

Ж $\frac{70303-239}{M106(03)-78}$ 206-78

С (Сиб)

По следам
Волчонка

Глава первая

В давнее-давнее время на берегу крутого залива, куда не заглядывают большие морские волны, жил со своей старухой тунгус Удыгир. Ноги у него пропали — в молодости простудил в холодной байкальской воде, но старость-то оно и отрыгнулось. О промысле на зверя и думать забыл, питался одной рыбалкой.

Однажды сидел Удыгир на берегу и распутывал сети, а сам посматривал на Байкал, на синие заморские горы и гадал: «Подует ветер или нет?»

Вдруг из-за мыса показалась лодка, да такая громадная — выше самого матерого сохача. Черный парус ее — в двадцать оленьих шкур, сшитых вместе, — угрюмо раскачивался над водой. «Во, посудина какая! На такой лодке сам злой дух кочует по морю. Знамо дело», — испугался старик и без оглядки затрусил к чуму.

— Злой дух на деревянном доме приплыл к нам! Падай, молись! — шепчет он старухе.

Упали старики. Молятся богине Дунде, богине Бугады. Вспомнили и Миколу-бога. В молитвах прошел весь тот день. Про еду забыли, на двор не выглядывали. Шутово ли дело, совсем рядом злой дух разъезжает.

Всю ночь не сомкнули глаз старики. Отбивали поклоны и шептали молитвы.

Наступило хмурое утро. Моросил холодный дождь. Огонь в чуме стал потухать, а поддержать его нечем. Старик насмелился идти за дровами. Крадучись оглядел море, оно было иссиня-черным, пустынным. «Не во сне ли видел я ту чертову лодку-громадину? — подумал Удыгир. — А может быть, на самом деле дурной сон приснился мне. Голова-то к старости дряблая стала, и

наяву, и во сне — все сплелось в одну кучу». Вдруг Удыгир увидел белую женщину. Она лежала у самой воды. Ее черные волосы расплескались во все стороны и закрыли лицо. Посиневшие от холода руки обнимали желтый песок. Женщина тихо стонала, время от времени жалобно всхлипывала и бормотала что-то невнятное.

Удыгир сначала испугался, попятился. «Нечистый дух в образе бабы!» Вдруг старика передернуло всего: «Так стонала наша дочь! Она так же, как эта несчастная, умоляла шамана, чтоб он уговорил духов оставить ее на этой земле, где так ласково светит и греет солнце, где у нее такие ласковые аминми¹ и энимни². Но ее мольба не разжалобила ни добрых, ни злых духов, и дочь ушла к предкам на Нижнюю Землю.

— Неужели боги и добрые духи пожалели нас со старухой, послали нам эту бедняжку? Она же, как ребенок, лежит, почти голенькая, беспомощная. Так жалобно просит спасти ее, — бормотал Удыгир.

Старик наклонился над девкой и стал тормошить.

— Эй, доченька! Вставай, пойдем в чум!

Она на какой-то миг очнулась, открыла большие голубые глаза. Наверно, приняла старого эвенка за шаманского бога. Стала жаловаться ему:

— Все отвернулись от меня. Один ты, шаманский бог, протянул мне руку. Помог же, святой отец! — сказала и снова потеряла сознание.

Удыгир покричал старуху, и они вдвоем перенесли больную в чум. В переднем углу расстелили косматую медвежью шкуру. Осторожно уложили больную, а сверху укрыли ее теплым козьим полушубком.

Долго стояли на коленях старики и, не веря свалившемуся счастью, молились и молились, а сами не могли наглядеться, налюбоваться богом посланной дочерью. Они позабыли про еду, про сон, про все на свете.

Наконец старуха пришла в себя и спросила:

— Во что оденем ее?

Удыгир молчком поднялся и пустился на берег моря.

— Может, боги и одежку послали, — подумал он.

Пришел старый на то место, где лежала женщина, но там ничего не было. Обошел вокруг, приблизился

¹ Аминми — отец (эвенк.).

² Энимни — мать (эвенк.).

к большому кедру. Взглянул на дерево и едва не упал от страха. Хотел бежать, да где там? — ноги, будто чужие, отнялись. Еще раз взглянул туда — в косматых ветках могучего дерева разглядел окровавленное бледное лицо, глаза закрыты.

— Эй, ты, живой, нет? — крикнул Удыгир.

Человек молчал.

Старик подошел ближе и увидел привязанного к дереву мужика. Рыжие волосы в крови, на груди — большая рана.

Долго сидел и курил Удыгир. Все думал, где и как захоронить покойника. Наконец решил держать совет со старухой. Быстро приковывал в чум.

Старуха, радостно улыбаясь, проворно работала иглой — из кабарожьей замши шила дочери штаны.

Как увидела старика без дров, зашипела гусыней: — Где дрова? Девка закоченеет! Холод!

— Там, на берегу, убитый... мужик...

— Злой дух убил?

— А кто же больше-то! Хоронить надо... В землю закопать или по-нашему?

— Ее спросим, — кивнула старуха на больную.

Только на третий день женщина поднялась, надела замшевые штаны и куртку, умылась, причесалась. Стала еще краше.

Старики от радости не знали, чем накормить, напоить свою богом посланную дочь.

Видя такой приветливый прием, она вовсе ободрилась.

Удыгир с пятого на десятое разговаривал по-русски.

— Тибе как звать? — спросил он.

— Таисией... меня зовут Таисия...

— Та... Тай... Тась... — никак не мог выговорить старик.

— Таська! Таська мое имя!..

— А-а!.. Таськимо!.. Таськимо! — Удыгир обрадованно залопотал по-тунгусски своей жене.

— Таськимо!.. Таськимо! — повторила за ним старая, от радости смеясь и плача.

Старик дрожащей рукой нежно погладил Таськимо по голове, но старуха сердито оттолкнула его и принялась нюхать и расчесывать мягкие пушистые волосы. Осерчал Удыгир, оттолкнул свою благоверную. А та не сробей, да вцепись ему в волосы! Видит Таськимо, что